

Если все вокруг верят во что-то, быть может, кажущееся пустым суеверием, то рано или поздно и у вас все равно возникнет искушение поверить в то, что все вокруг считают реальным.

*Майкл Крайтон.
«Пожиратели мертвых»*

Поцелуй же меня, Рафаэло!
Сериал «Голос сердца»

ГЛАВА 1 В ТЕМНОТЕ

По темной дороге, скупо освещенной редкими фонарями, ехала автомашина. В ней сидели трое — водитель и два пассажира.

— В общем и целом, дело теперь ясное, Илья Ильич, — сказал один пассажир другому. — Завтра с утра допрошу всех трех, предъявлю рабочее обвинение и — потом в суд за санкцией на арест.

— Сначала всех трех ко мне, Витек, — в голосе того, кого звали Ильей Ильичом, сквозила усталость и вместе с тем самодовольство. — Вместе с конвоем. Я до обеда на месте, так что вполне успеешь.

Тот, кого звали просто Витьком, с готовностью кивнул — он был «просто» следователем прокуратуры. А Илья Ильич Костоглазов — городским прокурором и его непосредственным начальством.

В поздний ночной час на прокурорской машине они возвращались из соседнего Успенского в ставший с некоторых пор для обоих родным и привычным Тихий Городок.

Именно так и звался испокон века этот город на берегу водохранилища. Тихий Городок.

Очень тихий, слишком, чересчур даже тихий городок...

Пелена облаков на темном небе. Ни луны, ни звезд.

Стена леса.

Вой собаки — за околицей деревни, неразличимой в ночи...

Эхо этого воя...

— Тьма-то какая вокруг, — поежившись, вздохнул водитель. — Воет, воет, проклятущая, кого хоронит, тварь? И вот сколько живу я тут, почти что полвека уже, а все тут у нас на дорогах темень, хоть глаз выколи. А дорога-то какая, а? А ведь почти что федеральная трасса. Иностранцев каждый день пачками на автобусах на экскурсию возят красоты наши смотреть. А как солнце зайдет, блин, не видно ни зги. А осенью — вечерами, зимой? Сущая Тьмутаракань. И никому годами дела до этого нет. Вот мэра нового избрали, Шубина, надеемся, может, хоть он нам фонарей от щедрот своих понавесит.

Радио в машине, несмотря на глухой час, совершенно бодрым утренним голосом диктора вещало о «росте инвестиций» и о «приоритетных направлениях повышения рождаемости в рамках нового нацпроекта».

— Детей делать — милое ж дело, — хмыкнул водитель. — Кайф ведь сплошной один. Причем обоюдный, не так, что ль? И поди ж ты — не хотят. Даром не желают. Деньги им подавай. Ну один сплошной чистоган везде, куда ни кинь. Даже в койке семейной!

— Проблемы рождаемости актуальны для многих европейских стран. А что насчет дорог, здесь, я помню, всегда они были неважные, кривые были дороги. — Прокурор Костоглазов никогда не оставлял без ответа сентенций своего водителя. Устами шоfera, по его мнению, говорил сам народ, глубинка. А народ, глубинку всякой власти, в том числе и стоящей на страже закона, стоит послушать. Так, для общего развития, для

информации, в смысле внутренней и внешней внутригородской, внутрирайонной политики.

— Дороги-то да, а вот таких преступлений никогда прежде не водилось, — водитель покачал головой. — Чтоб так вот среди ночи открыто приезжали на машинах, в дом вламывались, людей резали — этого нет, не было никогда, сколько живу.

— Это у них четвертый эпизод. Раньше как-то без крови обходились. Ну, налет и налет, связали хозяев, золотишко, деньги выгребли, но все же как-то удерживались от мокрухи, — охотно подхватил следователь. — А на этот раз не удержались. То ли нервы сдали, то ли побоялись, что их хозяева опознать смогут. И вот, пожалуйста — двойное убийство в ходе разбойного нападения. И хозяйку, и ее сынка — обоих положили. А я ведь сына-то знал. Точнее, не знал, а помню. Он в футбол здорово играл, молодежная команда вообще у нас сильная. А теперь вот нате — убили парня за пару золотых колец, за телевизор да за пачку «зеленых».

Следователь говорил об обстоятельствах дела, по которому они сутки безвылазно сидели в соседнем с Тихим Городком Успенском. Убийство в ходе разбойного нападения. Мертвых хозяев частного дома — мать и сына — нашли соседи. Милиция по следам ночного ограбления ввела план «Вулкан», и в ходе поиска трое подозреваемых были обнаружены в пустующем ангаре старого кирпичного завода. Ангар окружили, вызвали из областного центра подкрепление и ОМОН. Предложили подозреваемым сдаться. Те отказались и ответили выстрелами. На троих у них оказался обрез охотничьего ружья и спортивный пистолет, переделанный для боевой стрельбы.

В итоге задержание затянулось. Прокурор Илья Ильич Костоглазов, лично руководивший операцией совместно с милицейским начальством, трижды брался за мегафон, уговаривал подозреваемых сложить

оружие и прекратить бессмысленное сопротивление. Не уговорил.

А потом ОМОН пошел на штурм ангара. Вся операция заняла не более пяти минут. Слава богу, никто не пострадал, бандитов скрутили. Обыскали, тут же обнаружив вещи, похищенные с места убийства.

В общем, это было вполне рядовое, будничное дело, каких в практике прокурорской десятки и сотни, — убийство с целью ограбления, убийство по корыстным мотивам.

Прокурор Костоглазов вспомнил место происшествия — залитую солнцем и кровью террасу дома. Солнце было в чисто вымытые стекла, слепило глаза. А кровь была везде — под ногами на досках пола, на бревенчатых стенах. Даже на потолке — и туда долетели брызги. И на выцветшем шелке оранжевого абажура распустился кровавый цветок. Бандиты первым в упор застрелили из обреза сына. Он лежал на террасе — две пули попали ему в голову, разворотив полчепела. Мать его пыталась скрыться, спрятаться. Они дважды ранили ее — в живот и в спину. Потому-то и было столько крови по всему дому. А потом — тоже в упор, уже обессиленную, добили выстрелом в лицо.

Ба-бах!!! И только эхо отзывается в домах...

Неужели никто из соседей окрестных домов не слышал эха этой ночной бойни? Да наверняка слышали. И никто не прибежал на помощь с подручными средствами — с вилами и топорами, как в старину. А раньше-то бегали, чуть что — били в набат на высоких колокольнях монастырей, поднимая и весь Тихий Городок, и все окрестные посады и села. А теперь не бегут. Запирают крепче двери в домах. Погромче включают телевизор. Прокурор Костоглазов брезгливо поморщился. Какие же все-таки люди... А что же раньше-то, другие были? Наверное, другие. Иные. Впрочем, как выяснилось из подомового обхода и опроса свидетелей, затеянного милицией, покойных мать

и сына особо не жаловали и не любили в Успенском. А почему? Да, кажется, только по одной-единственной причине, что они сумели как-то встать на ноги, выбраться из общей удручающей деревенской нищеты, взяв в банке кредит, приобрели сначала одну, потом еще две продуктовые палатки, отремонтировали, отстроили дом, воздвигли высокий забор, отгораживающийся от соседей, купили подержанную иномарку.

Но вот забор не уберег. И набат не ударил. И соседи не прибежали на помощь. «Они — Надька-то с сыном — гордые стали, как заботители, раскрутились, такие, страсть, гордые. А как за границу отдохать съездили в этот самый свой Кипр, так и вообще. Словно они — пуп земли, а мы-то для них — так, грязь под ногами, — жаловалась одна из опрашиваемых соседок. — Но вот и додордились. Бог-то — он шельму метит...»

Ба-бах! И только эхо...

Неужели это и есть Промысел Божий? Илья Ильич Костоглазов был не силен в этом вопросе. Об этом — о Промысле — лучше бы спросить друга его юности Ивана Самолетова, разом вдруг ударившегося в православие. Но свое дело, свою работу прокурор знал хорошо.

— Хорошо...

— Что хорошо, Витек?

— Да хорошо, Илья Ильич, что взяли их, этих сукиных сынов. — Следователь покачал головой, глядя в темное окно машины. — А то бы наделали они еще дел тут у нас. Кровь — она такая, ее только раз пусти, потом уж и не остановишься. Захочешь, а не сможешь. И так на них уже четыре эпизода с налетом, а было бы еще, да еще трупы. А сколько у нас сейчас домов-то таких понастроено в округе, которые их привлекали? Коттеджей, дач? Полно. Вот бы и вламывались к тем, кто сопротивление не окажет. Вот, например, ваша жена Марина Андреевна...

— При чем тут Марина Андреевна? — подозрительно спросил Илья Ильич.

— Ну как же, вы сутками на работе, а она одна в доме. И собаки у вас нет сторожевой. Одна с мальчиком.

— Наш сын в лагере в Венгрии, английский язык изучает.

— Тем более одна. Да еще в такой-то темноте...

Илья Ильич вздернул подбородок. Лицо его стало замкнутым, по нему гримасой промелькнуло раздражение. Какое, к черту, дело этому мудаку до его жены? Или он что-то знает? Может, в Тихом Городке об их с женой отношениях уже циркулируют пошлые слухи?

— Хуже нет по нынешним временам, когда женщина целый день одна в пустом доме, — поддакнул и водитель. — Не ровен час...

За окном машины мелькнули огни. Прокурор вздрогнул — слишком уж неожиданно, ярко. Точно вражеский прожектор полоснул по глазам. А там, откуда он едет, в Успенском, произошло пусть и тяжкое, но все же вполне обычное преступление. Банальнейший разбой с убийством. И это, слава богу, не имеет никакого отношения к тому, что с некоторых пор происходит в родном для него Тихом Городке.

Эти слухи... Эти чертовы слухи... Множающиеся, как гниды какие-то, совершенно первобытные допотопные суеверия, место которым скорей на страницах медицинских карт психдиспансера, а не в умах взрослых нормальных людей. Мрачные сказки, пересказываемые из уст в уста, от семьи к семье, от дома к дому, — извращенная реальность, обернувшаяся сущим кошмаром. Хорошо еще, что этот разбой с двойным убийством произошел в Успенском, а то и его бы тут же записали в архив этой всеобщей паранойи, которой вот уже сколько лет, как вирусом, заражен город. И поделать с этим, кажется, ничего невозможного. Да, он прокурор, и он знает свою работу. Но эти слухи,

все эти суеверные бредни — они настолько вне рамок правовой системы и...

А собака-то все воет и воет. И как такое возможно? Ведь они уже давно проехали ту деревню, ту оконицу. А вой все слышен. Что ж это их тут, в этой тьме, целая стая? Или это ветер воет, свистит? За окном в ночи вновь мелькнули огни. Нет, это огни не его дома. До его дома еще ехать и ехать, плыть и плыть, лететь и лететь...

Но летают только во сне, а он не спал. Возвращался с работы — с места происшествия, с задержания опасных вооруженных преступников, полный азарта, удовлетворения и смешанного чувства превосходства и презрительности. Да, да — именно презрительности. И к тем кровавым лужам на дощатом полу на месте убийства, и к вывороченному хаосу разграбленного чужого дома, к тем самым трусам-соседям, не пришедшим на помощь, и к местной милиции — по-деревенски настырной, но ужасно бесцелевой, провинциальной. И к тем суеверным бредням, которые на этот раз, к счастью, так и не получат новой пищи для городских пересудов, круто замешенных на страхе и невысказанным тупом подозрении.

Ах ты, черт, то ли дело в Москве, когда он еще был в штате отдела Генеральной прокуратуры...

Оттуда — из Москвы — все происходящее в Тихом Городке, да и сам он кажутся сплошным миражом.

Огни вспыхнули и погасли, затопив темнотой.

А в Тихом Городке за несколько километров отсюда в доме прокурора все окна были темны. Дом был новый, недавно построенный, из силикатного кирпича, просторный, но относительно небольшой — два этажа и рядом гараж-пристройка. Наверху, в мансарде, располагалась спальня. Почти всю ее занимала широкая супружеская кровать немногого неуклюжего вида — производства одной из местных мебельных фаб-

рик. Окно по слуху летнего вечера было приоткрыто. Синяя шелковая штора чуть колыхалась от ветра.

Рядом с кроватью на коврике валялись газеты — «Аргументы и факты», «Известия» и старый журнал «Караван историй». И ночник давно был потушен. Сбив, скомкав простыню к ногам, на краю кровати лежала женщина в розовой ночной рубашке. Темные густые волосы рассыпались по подушке. Когда-то, ах как это было давно — еще в Москве — и вроде бы совсем недавно, эти темные душистые волосы сводили Илью Ильича Костоглазова с ума, заставляя даже забывать о работе, о командировках на периферию и о внеплановых прокурорских проверках. Сводило с ума и само имя — Марина, что значит Морская, ускользающая, бегущая по волнам.

Марина Андреевна — жена прокурора — была одна в своей спальне, в своей постели в эту душную летнюю ночь. В то самое время, когда муж ее мчался по разбитой, плохо освещенной дороге с очередного места происшествия, она...

Ей мнилось, что она не спала. Вернее — что только что, мгновение назад, проснулась по какой-то непонятной пугающей причине.

От странного звука.

Что это было? Шорох? Стук ветки в окно от порыва ветра? Легкое царапанье по стеклу снаружи, словно кто-то вслепую ощупывал стеклянную преграду стекла, пробуя ее на прочность? Эхо далекого собачьего, волчьего воя — один зверь позвал, другой ответил: доброй охоты!

В спальню из-за задернутой шторы было совсем темно. Но казалось, что в этой кромешной темноте все предметы отбрасывают еще более густые, чем сама темнота, тени. Марина Андреевна, чувствуя в сердце необъяснимую тревогу, лежала на кровати, вжавшись в матрац. Тень от платяного шкафа, тень от туалетного комодика с зеркалом. Тень от окна. Но разве окно

может отбрасывать тень? И почему так страшно? Господи, отчего же так страшно ей здесь?

Вой — тосклиwy и грозny, переходящий в гортанный клокочущий рык.

Доброй охоты! Спокойной ночи, *падаль!* Если доживешь...

Черный сгусток отделился от ночной темноты и застыл на мгновение. А потом двинулся от окна через комнату к кровати.

Марина Андреевна хотела закричать и не смогла. Хотела вскочить и не сумела пошевелиться. Она увидала — ясно и совершенно отчетливо — круг, который до этого видела не раз и не два. Круг, очерченный белым маркером на черном ватмане. Этот круг, медленно вращаясь, плыл по воздуху, словно медуза. На пол с него стекали, соскальзывали белые капли, похожие на слизь. Но нет, это были не капли, а начертанные мелом буквы — АБВГДЧЩ... Словно перепутанная, перемешанная азбука, чертова азбука. Черный круг, словно парашют, накрывал собой все: комнату, постель, ее саму, обездвиженную и безгласную, словно парашют. Словно чьи-то огромные траурные крылья.

Ей показалось, что вот еще мгновение — и она задохнется, лишенная воздуха в их складках: темнота была осязаемой. Как вязкий клей, как тягучая черная плоть она заливала собой воздух, лишая летнюю ночь кислорода. А перед глазами, как сумасшедший волчок, вертелось, кружилось, вращалось, вращалось, вращалось белое блюдце. Такое до боли знакомое — с золотой каймой.

И вот, как будто завод кончился, блюдце разом остановило свое вращение и грохнулось вниз. Осколки, острые, как бритва, разлетелись по комнате. Черное удущье отступило. Жадно дыша, хватая ртом воздух, Марина Андреевна рванулась с подушек и увидела...

Нет, она не могла *это* видеть в своем доме.

Тяжелые складки черной мантии. А может, кры-

лья, отливающие вороненой сталью. Нет, кожистая перепонка, вся в шрамах и трещинах. Огромные когтистые лапы — лапы ящера — и туловище гигантской птицы. Крылья, пугающие своей чернотой и бронированной тяжестью и одновременно мягкие, невесомые, как шелк. И — профиль на фоне темного зашторенного окна. Глаза, сверкающие в ночи темным нездешним огнем. Обжигающим сердце. Но это лишь на миг, на короткое мгновение: человеческие черты, призрачное, сказочно прекрасное их подобие. А потом...

Она увидела — она увидела ясно и отчетливо: могучие лапы с кривыми острыми когтями крепко и жадно держали добычу — голое окровавленное тело, истерзанное, изуродованное до неузнаваемости. Прядь волос, рот, перекошенный в отчаянном немом крике ужаса и муки. Когти вонзились глубже, словно выживая, выдавливая из вен и артерий последнюю кровь. Призрачный профиль склонился. Тень от длинных прекрасных ресниц на щеке. Тень улыбки...

И внезапно все черты смешались, слились, смялись, оскалились, ощерились, и человеческое подобие — тень этого подобия — исчезло. Гигантский клюв, словно тесак, вонзился в добычу, раздирая живую плоть. Отрывая окровавленные куски мяса, дымящиеся сизые внутренности. Марина Андреевна услышала хруст ломаемых костей и дикий вопль боли. Смертный вопль. Черные крылья вздыбились, как гора, клюв разверзся — это был уже не клюв птицы, а пасть хищника. Чудовище, словно капкан, сомкнуло клыки на горле добычи. Марина Андреевна видела, как дергаются руки и ноги жертвы в последней агонии.

Она отпрянула назад, упала с кровати и...

Ей показалось, что она падает целую вечность, вращаясь и переворачиваясь в пустоте, в темноте, как то фарфоровое белое блюдце. Поганое блюдце с золотой каймой.

Удар оглушил ее. И она открыла глаза. Ночь. Тьма.

Стук крови в висках. Она в своей собственной спальне. В супружеской постели.

И странный звук — шум, шорох. Тот самый?! Внутри, в доме? Нет, нет, кажется, снаружи...

Внизу у входной двери кто-то возился с замками. Потом начал громко стучать.

Марина Андреевна медленно села на кровати. «Аргументы и факты», «Известия» — тут на полу на ковре. Осколки блюдца — их не видно. Брызги крови, следы ужасных когтей — ничего этого тоже нет.

Значит, все это ей приснилось? Это был только сон. Ну, конечно же... боже...

Свет фар остановившейся у калитки машины. Мужские голоса.

— Езжайте, спокойной ночи. Жена сейчас мне откроет, наверное, заснула, не слышит, — голос ее мужа Ильи Ильича.

— Ничего-ничего, мы подождем, посветим вам, — в ответ голос кого-то из его сотрудников.

Марина Андреевна накинула халат и пошла вниз — открывать. Ложась спать, она заперлась изнутри на задвижку.

Зажгла внизу свет, открыла дверь. Увидела мужа. Серый костюм. Хмурый взгляд. Раздраженное, брюзгливое выражение и усталость на лице.

— Что, звонок так и не работает до сих пор? Мастера вызвать так и не удосужилась? — стараясь, чтобы его не услышали на улице в машине, сквозь зубы вместо «добрый вечер» прошел Илья Ильич. Выглянул из двери, бодро помахал на прощание: — Езжайте, все нормально! — Войдя, швырнул на ящик для обуви кожаную папку с бумагами, ослабил узел галстука, снял пиджак.

— Мастера так и не вызвала, — повторил он.

— Я звонила, он обещал прийти завтра.

— А звонок не работает сегодня, я полночи в дверь барабаню, домой попасть не могу. — Илья Ильич ог-

лядел жену с ног до головы, отвернулся, проходя в гостиную, пальцем провел по полированной поверхности стола, подернутой пылью.

— И даже дома не убравшись!

— Я с холодильником возилась, Илья. Он течет.

— Что? — Илья Ильич обернулся. — Что ты лжешь, холодильник абсолютно новый. Да и что там с ним заниматься? Вечно ты лжешь, бездельница. Сына в лагерь чужим людям сплавила, а сама... Ведь не делаешь же дома целыми днями ни черта! Без-ззз-дельница! Дармоедка!

Марина Андреевна слушала мужа молча. В другое время она бы не оставила без ответа ни одну из его гневных реплик. И, несмотря на поздний час, затеяла бы скандал. Но сейчас... Ей было страшно. Сон... Конечно же, это был сон, а то что же еще... Но этот сон был так свеж, почти осязаем в ее памяти.

— Пожрать-то у нас хоть что-нибудь найдется? — спросил Илья Ильич.

Марина Андреевна кивнула и поспешила на кухню. Первое, что она увидела там, включив свет, — это белое фарфоровое блюдце с золотой каймой. Краешек его был отбит.

ГЛАВА 2

ФОМА

Желтый сухой лист в зените лета, плавно скользнувший с зеленоей вершины прямо вам под ноги, — нота печали в симфонии радости, первый знак далекой пока еще, скрытой где-то там за летними горами, за июльскими облаками осени. Предвестник серых дождей и холодного ненастья. А быть может, и бурь, о которых не хочется даже думать, разомлев, рассиропившись от лени на террасе кафе.

Сергей Мещерский смотрел на желтый лист, единственный в своем роде, упавший с небес и приклеившийся к влажному, только что обильно политому убортной машиной парижскому тротуару. Листок, утлы́й осенний кораблик, как ты неуместен на этом чистом тротуаре, на этом празднике жизни по имени Париж!

Мещерский сидел на террасе «Кафе де Пари» на бульваре Итальянцев. Всего час назад он вернулся из двухдневной поездки в Брюссель по делам своей туристической фирмы «Столичный географический клуб». Был самый конец июля. И сколько же всего случилось за это лето. Москва, Прага, Ницца — краса и гордость Закарпатья, и затем снова Москва. Друг детства Вадим Кравченко и его жена Катя...

На море житейском сезон штормов постепенно сменился благостным штилем. И Мещерский был этому безмерно рад. Друг детства, его жена, Вадим, Катя, их жизнь, их семья, их отношения, ссоры и примирения, разлуки и встречи... Он любил их обоих, честное благородное — любил, как самых близких и дорогих людей, но...

Катя... Что скрывать, в ходе последней ее ссоры и разлуки с мужем, с другом детства Вадькой, у Мещерского где-то в глубине, на самом донышке сердечном возникли, как фантом, смутные надежды. А вдруг? А может быть? Друг детства Вадик, сверкая гневно глазами, недаром ведь раз пять или шесть в присутствии Мещерского заводил речь о разводе.

А потом была Прага и замок в Карпатах. Этую поездку они с Кравченко, наверное, не забудут никогда. А затем было возвращение домой и...

Все разговоры о разводе и все фантомы надежд — все это оказалось таким вздором. Муж и жена, Кравченко и Катя, были снова вместе. А он, Мещерский... Честное благородное, он был рад их полному прими-

рению и семейному счастью. Он был адски рад. Так рад, что...

Отчего-то вдруг захотелось сбежать куда глаза глядят, чтобы не видеть, не наблюдать этого самого — он и она, муж и жена, снова одна счастливая сатана.

Но первыми сбежали, точнее, просто отправились отдохнуть вдвоем — Кравченко и Катя. Мещерский stoически преданно проводил их в Шереметьево. Рейс Москва — Корфу. Солнечный греческий остров в Средиземном море. Приют влюбленных.

А людям одиноким, холостым, таким, как Мещерский... Что ж, им оставалось только или вкалывать в поте лица, зарабатывать деньги, или же очертя голову по старой русской забубненной традиции навострять лыжи в Париж.

Мещерский, как истый прагматик, решил совместить вкалывание-зарабатывание с Парижем. Дела фирмы «Столичный географический клуб», совладельцем которой он был, в этот год шли, увы, не блестящие. Отлучка в Прагу и в Карпаты в начале высокого сезона обошлась Мещерскому довольно дорого. А тут еще, как назло, один из его компаньонов, прыгая с парашютом в составе группы туристов-экстремалов, сломал ногу. Всего компаньонов — совладельцев фирмы было трое. Помимо сломавшего ногу и самого Мещерского, был еще один — Фома Черкасс. Он курировал так называемый «европейский куст» — поддерживал связи с туристическими агентствами и бюро Франции, Бельгии и Германии, отправлявшими в Россию группы путешественников, повернутых на экстремальных видах спорта и так называемом экотуризме.

Фома был не только компаньоном, но и давним другом Мещерского. Не таким близким, своим в доску, как Кравченко, но все же больше, чем просто хорошим знакомым. К туристическому бизнесу Фома имел прирожденный талант. В светлые свои периоды он буквально горел на работе, заводил полезные связи

и знакомства, налаживал контакты, занимался рекламой, изучал спрос, разрабатывал новые туристические маршруты, и какие маршруты — пальчики оближешь, для совершенно невозможных, неадекватных, помешанных на риске экстремалов — всех этих бесчисленных дайверов, спелеологов, парашютистов, членов военно-исторических клубов, скаутов, альпинистов, прыгунов, пловцов, велосипедистов, конников и прочих.

Из Франции и Бельгии с его легкой руки туристы ехали не только в Москву и Питер, но и в российскую благословенную провинцию — на Волгу, в тульские и костромские деревеньки, на Урал, в Сибирь, на Байкал, на остров Ольхон, на Камчатку. А наши тем временем высаживались с экоэкспедициями где-нибудь на Андаманских островах или же на острове Ява, пылили на джипах, распугивая львов и гиен, в национальном парке Цаво или же кормили крокодилов цыплятами на частной ферме в окрестностях Куала-Лумпуря.

В общем, Фома умел устраивать туристический бум и бурлеск, умел делать деньги и создавать настроение. Но это все в светлые свои периоды. А кроме светлых, увы, у него бывали и темные. И тогда...

В прошлый такой период, например, они из Парижа в Брюссель отправились вместе. Подвернулся весьма выгодный контракт с бельгийской туристической спелеологической ассоциацией, который надо было застолбить. Спроворил этот самый контракт именно Фома.

Рванули они в Брюссель не на скоростном поезде, а на микроавтобусе вместе с коллегами — сотрудниками парижского туристического офиса. Пути всего четыре часа, но не успели отъехать и полкилометра, как Фома, предчувствуя окончание своего светлого периода, уже извлек из дорожной сумки огромную подарочную бутыль водки «Смирнофф». Под удивленными взглядами коллег-французов он открыл ее и...

— Мсье, раз уж мы катим в этот ваш Брюссель, на сухую, неподдатым ехать — плохая примета. Контракт на сухую не пойдет.

К изумлению Мещерского, коллеги-французы быстроенько с этим провокационным доводом согласились. Появились пластиковые стакашки. Водитель микроавтобуса поглядывал в зеркало на своих пассажиров и только улыбался, подлец.

— У нас в генах это, в наших русских генах гвоздем, занозой это сидит, ты пойми, Поль, — внушал через полчаса пути румяный, разгоряченный Фома коллеге-французу, что там румяному — сизому, как баклажан. — Огромные просторы, глушь, сотни километров, тысячи верст. И где-нибудь по снежной целине, ты только представь себе это, Поль, мчаться сани... Или нет — птица-тройка... Эх, залетные! Эй, ямщик, не гони лошадей! А расстояния, какие расстояния — мама ты моя, вам тут это даже и не снилось. Пурга, метель, не знаешь — доедешь живым или замерзнешь, сдохнешь в пути. А тут как раз палочка-выручалочка твоя — фляжка. Выпил водки — ожил, все в тебе сразу воспрянуло, засверкало, заторчало. Это в генах наших, слышишь ты, француз, сука наполеоновская, — раз русские едут куда-то, хоть в этот ваш Брюссель, в логово НАТО, так должны, обязаны пить!

За первой бутылью появилась вторая. Потом еще бутылка шотландского виски. В результате в «НАТО» все же выехали, но какие!

Вывалившись из микроавтобуса у дома-Атома — этой весьма нелепой достопримечательности Брюсселя, Фома, уже начавший входить в штопор, пожелал сфотографироваться, хотя видел этот Атом, наверное, раз уж в двадцатый. Был ветреный мартовский день. Вокруг дома-Атома шли какие-то ползучие ремонтные работы — везде громоздились груды снятого асфальта и гравия. Прохожие с растерянностью взирали на горластого яppи без пальто и пиджака, в одной

только белой рубашке, со съехавшим набок галстуком — явно иностранца, наверняка русского, который карабкался на кучу строительного мусора, размахивая как флагом клетчатым шарфом от «Барберри» и полу-пустой бутылкой виски, и выкрикивал: «Эх, раз, еще раз, еще много-много...»

Мещерский — самый трезвый из всей компании — пытался его удержать. Но кончилось дело тем, что Фома подхватил его на руки: «Маленький ты мой! Козявочка!», подкинул вверх и насилиу поймал, едва не уронив, не угробив в порыве пьяного восторга на глазах чинных брюссельцев и вмиг насторожившейся полиции.

Таким здоровяком, как друг детства Вадим Кравченко, Фома, конечно, не был. Но все же и с ним, тем более пьяным в дым, маленькому, щупленькому Мещерскому было не сладить.

В Брюсселе Фома уже не вылезал из баров, уйдя в запой. Кончилось тем, что у Писающего Мальчика — еще одной брюссельской достопримечательности — его, задержав, все же привели к знаменателю стражи порядка. И контракт, им же спроворенный, пришлось уже подписывать без него. А потом платить драконовский штраф в полицейском участке.

После Праги и Закарпатья, вернувшись в Москву, Мещерский несколько раз звонил ему в Париж. И попадал полосой — то на светлые периоды, то на темные, запойные. Проверяя отчетность и финансы фирмы, Мещерский обнаружил, что жизнь его компаньона в Париже пробила в этих самых финансах солидную брешь и продолжает наносить ежедневный, ежечасный ущерб. Кое-что компенсировали заключенные новые контракты, однако все же ситуацию следовало немедленно исправлять.

Прилетев в Париж, Мещерский, однако, угодил в период светлый — помятый, слегка опухший, однако трезвый компаньон его сидел как штык в арендован-

ном офисе на бульваре Мадлен, называвший своим французским «связям» по сотовому и бодро докладывал о новом своем проекте для иностранцев «Неизвестная русская глубинка».

— Вон сколько заявок, Сереж, — кивнул он на ноутбук. — Большой интерес французы проявляют. Завтра группа в Москву вылетает. Кроме Ярославля, Углича и Ростова, в Калязин у меня поедут лягушатники, и в Муром, и в Гороховец, и в Киржач, и в деревню молоко парное пить и в бане по-черному париться. А вторая группа, кроме Золотого кольца, поедет еще в Кирилловскую пустынь, и в Спасо-Крутицкую падь, и в Гусь-Хрустальный, в Юрьев-Польской, а потом на природу в «заповедный край воды и берез» — на водохранилище в Тихий Городок. Только там базу нам подготовить для них придется подходящую. Я скоро сам туда махну. Наверное...

Так Мещерский впервые услышал от Фомы название города — Тихий Городок. Но поначалу не придал ему значения.

Необходимо было по делам фирмы снова ехать в Брюссель. И на этот раз Мещерский отправился туда один на скоростном поезде. Вернувшись утром, он, не заезжая к себе в отель и даже еще не завтракав, позвонил компаньону. Но Фома не отвечал на сотовые звонки. Мещерский позвонил в отель «Мадлен Пла-за» — Фома на широкую ногу жил в двух шагах от арендованного офиса, там же, на бульваре Мадлен. И получил ответ от портье, что компаньон его в отеле не ночует вот уж вторую ночь.

Звонить французским коллегам в поисках товарища было совестно, но дела требовали вмешательства Фомы — в конце концов, он был ответствен за европейское направление их бизнеса. Двое из коллег-французов понятия не имели, где «Thoma», а третий, тот самый собутыльник Поль, после минутного разду-

мья жизнерадостно посоветовал поискать его на улице Сен-Дени:

— Поищите там хорошенько у Жанет или у Кьяры-Албанки, ну и у прочих, спросите в отеле «А-ля тюрк», но петушков, я думаю, не стоит беспокоить, он же у нас полный натурал, не гомосексуалист, кажется...

Кажется... Только этого еще не хватало! У Мещерского, примчавшегося из Брюсселя на поезде, прозванном «серебряной сигарой», несмотря на радужные бизнес-перспективы, как-то вдруг разом скисло настроение.

Вместо улицы Сен-Дени он на такси доехал до бульвара Мадлен и еще раз проверил офис — он был заперт, и снова позвонил Фоме на сотовый — гудки, противные гудки, телефон не отвечал.

Пешком он прошелся по бульвару — мимо театра «Олимпия». Там с аншлагом шел мюзикл «Циник», на который с утра стояли в очереди не только туристы, но и сами парижане.

Добрел до бульвара Итальянцев. На террасе «Кафе де Пари» решил взять паузу — выпить кофе, позавтракать наконец-то по-человечески и подумать, как половчее и побыстрее отыскать в Париже загудевшего, снова вошедшего в беспощадный штопор Фому.

Кофе был первоклассный. Мещерский, когда приезжал в Париж, любил сидеть в «Кафе де Пари». Жизнь здесь словно остановилась на временах Сары Бернар и Оскара Уайльда — обшитые дубом стены, красные бархатные диваны, матовые лампы, скульптура и роспись витражей в стиле модерн. Говорят, именно здесь под звуки цыганских скрипок Уайльд дописывал свою «Саломею». Фирменный арабский кофе здесь варили еще с тех самых времен. И вино тут было отличное...

И вообще все было отлично — кроме Фомы. И... ах да, этот сухой желтый лист, приклеившийся к париж-

скому тротуару, прямо под ногами. Такой неуместный, жалкий на фоне буржуазного парижского лета — в декорациях зелени бульваров и роскоши цветников Тюильри.

Лист-предвестник, тайный знак. Напоминание о мимолетности, хрупкости летнего мира. О том, что и на празднике жизни может скоро наступить осень, а на пиру — горчайшее похмелье.

Да, кстати, насчет похмелья и вообще насчет злоупотребления. С чего, собственно, такому человеку, как Фома Черкасс, пить? Да еще в Париже, в этой колыбели европейской политкорректности, — и так зверски, так по-черному, по-славянски? Мещерский недоумевал. Вообще, несмотря на деловые и приятельские отношения, как все же он мало знает своего компаньона! Что там может не ладиться у Фомы? Вполне обеспеченный, продвинутый парень, из хорошей семьи, дед — известный академик, долгое время даже «засекреченный», работавший на оборону. Отец, мать тоже ученые, правда, не такие известные. С наследственностью вроде все в порядке — потомственные интеллигенты. Правда, все эти потомственные умерли, и сейчас в свои тридцать с небольшим Фома фактически сирота. Был он женат? Кажется... Нет, официально точно не был, но женщин у него всегда вагон и маленькая тележка. Но все это, особенно здесь, в Париже, в основном случайные девицы, подцепленные в клубах, или же проститутки.

С жиру пацан бесится, решил Мещерский и разозлился на приятеля. Привык тут, понимаете, в Париже. И строит из себя, строит, кстати, на их общий совокупный доход, капитал транжирит. Косит под «нового русского». Хотя когда не пьет — цены ведь ему нет и как организатору бизнеса, и как сотруднику. Без него они давно бы, наверное, терпели бы еще большие убытки. Вот и поди разберись.

Мещерский глянул на часы — черт, время-то как

летит, Париж диктует свой собственный распорядок дня — с вокзала в кафе, потом в бар на Елисейские Поля, а оттуда...

Мимо по бульвару Итальянцев строем промаршировала экскурсия японских туристов — все с флагами, прицепленными на рюкзаки, у всех на головах панамы, а в цепких ручонках ворох фирменных пакетов — «Шанель», «Кристиан Диор», «Жан-Поль Готье». И все как из ларца — любознательные, трезвые.

«А, была не была, съезжу на улицу Сен-Дени, в этот самый отель «А-ля тюрк», к мамаше Кураж или как там ее, — решил в сердцах Мещерский. — И если обнаружу Фому пьяного у какой-то там Кьяры-Албанки, честное благородное, морду набью. Может, хоть это его отрезвит в конце-то концов!»

Сказано — сделано. На стоянке, сев в такси, Мещерский назвал улицу. Темнокожий шофер ухмыльнулся в зеркало — вроде бы рановато для таких адресов, месье.

В дневное время улица Сен-Дени, подхватившая эстафету у столь же популярной пляс Пигаль, до слез напоминала какой-нибудь Кривоколенный переулок и Черкизовский «толчок» одновременно. Окна вторых этажей невысоких особнячков, бывших когда-то свидетелями убийства короля Генриха IV («Жил-был Анри Четвертый, вино любил до черта»), нагло зашторены. А на первых этажах — лавочки, где на лотках выложена для отвода глаз разная дребедень — обувь, поддельные китайские часы, грошовая бижутерия, приспособления для пирсинга и татуажа. Тут же внутри на вешалках — шейные платки, шали, кожаные куртки из Туниса, грубые сумки из Алжира, сувениры, диски. В дверях на стульях, развались нога на ногу, в облаках сигаретного дыма с легким травяным душком ленивые живописные растаманы — в широченных штанах-карго, в майках, открывающих загорелые плечи, по которым рассыпался ворох черных

того заплетенных косичек. На стенах через каждый шаг красочные плакаты «Массаж», «Салон йоги» и фотографии знойных красоток в полный рост.

Мещерский отпустил такси у фонтана Невинных и сразу же попал в пешеходный туристический водоворот. Улица Сен-Дени, разделенная на солнечную и затененную половины, была, несмотря на неурочный дневной час, уже полной коробочкой.

Никаких проституток, пристающих к иностранцам на углах, правда, не было и в помине. Не было их и в окнах, и в витринах крохотных магазинчиков. Не манила, не соблазняла и отвязная порнореклама — днем здесь все было совсем не так, как ночью. Несколько девиц все же скучали в дверях лавчонок вместе с расстаманами. Но торговали исключительно сувенирами, вяло переговариваясь.

Посредине улицы застыла в тоскливом ожидании стайка немцев — бледненьких, как поганки. Все, как один, в обтягивающих шортиках, маечках и голубых вязанных беретиках на головках-тыковках. Ими никто особо не интересовался. Да на фиг они сдались, зануды! Мимо Мещерского профланировал колоритный старичок, облаченный, несмотря на жару, в синий, наглухо застегнутый блейзер и белую фуражку яхтсмена с золотой кокардой. Вопреки бравому морскому имиджу губки старичка были кокетливо накрашены бантиком. Немцев в голубых беретах он миновал равнодушно, а вот возле атлета-нигерийца, охранника одной из лавок, выжидательно бросил якорь.

Мещерский разглядывал вывески. И где тут этот отель «А-ля тюрк»? Черт его знает. Все здесь вокруг — гостиницы, ночлежки и дома свиданий. Но названий типа «отель такой-то» нет как нет. На углу располагался знаменитый на весь Париж джазовый клуб — Мещерский вздохнул: вот бы им куда с Фомой-дураком сходить вечерком не мешало.

Его внимание привлекла женщина весьма солид-

ного для этой веселой улицы возраста — смуглая, похожая на цыганку. Ее толстые, как у слонихи, загорелые ноги в модных «римских» сандалиях едва прикрывало молодежное платьице в стиле диско из золотой синтетики. В углу рта торчала незажженная сигарета. Женщина поманила Мещерского пальцем, прося прикурить.

— Кьяра? — спросил он наугад — авось? (Черт, ну и вкусы у Фомы, вот извращенец!) Щелкнул зажигалкой.

Она покачала головой — нет, обознатушки, мсье хороший. Выпустила кольцо душистого дыма, потом обеими руками, явно демонстрируя Мещерскому, обхватила свои груди-арбузы, взвесила их на ладонях. Коричневая плоть, как желе, заколыхалась у Мещерского под самым носом. Жест означал — какая, к свиньям, Кьяра, а я-то на что, парень?

— Отель «А-ля тюрк»? — быстро спросил Мещерский.

Груди-арбузы снова обвисли, толстая рука ткнула куда-то туда — налево. Мещерский обернулся и увидел зданьице — такое же, как и все остальные.

Он заспешил, а то еще привяжется, карга, говорят, они здесь, на улице Сен-Дени, работают до гробовой доски.

Открыл дверь, зашел — внутри все ободрано, грязно, совсем не так, как в комфортабельном отеле «Мадлен-Плаза». И портье за стойкой нет. Дрыхнет, наверное, — устал за ночь-то ключи клиентам подавать.

Мещерский снова вышел на улицу. Черт, не стучаться же во все комнаты подряд в поисках Фомы. Он достал телефон и снова набрал знакомый номер. Гудки, гудки, и вдруг...

Со второго этажа из окна глухо, но все же явственным донеслась мелодия «Не думай о мгновеньях свысока». В Париже и вообще за границей Фома выбирал

для своего телефона в виде сигналов мелодии исключительно из фильма про Штирица.

— Фома! — закричал Мещерский фальцетом.

Телефон играл, звонил: «Свистят они, как пули у виска...» Теряя терпение, Мещерский ринулся внутрь, поднялся на второй этаж, отсчитывая двери, — вот она, дорогая! Как воспитанный человек, он громко постучал: «Фома, открывай!»

За дверью что-то грохнуло — явно пустая тара покатилась по полу. Потом все стихло, притаилось. Потом дверь открыл Фома, мужественный, волосатый, обнаженный и вместе с тем рыхлый, как медуза, обмотанный вокруг торса простыней. Волосы всклокочены, на щеках щетина, а в глазах...

Что-то было с ним не так. Заглянув в глаза его, Мещерский сразу это почувствовал. И дело даже было не в перегаре, не в алкогольной отечности и прочих прелестях запоя.

— Ты? Здесь? Серега? Как ты меня нашел? Ну заходи. — Фома посторонился.

Все гневные обличительные реплики застряли у Мещерского комом в горле.

За спиной Фомы в крохотной комнатенке-номере была только постель, в ней кто-то ховался, укрывшись с головой одеялом.

— Боится, что ты из полиции, — сказал Фома, — она нелегально тут в Париже. Эй, хорош приуряться! — Он дернул простыню, дальше последовала длинная французская фраза, которую Мещерский понял лишь отчасти.

Девица вскочила с постели. Она была очень хорошенькой и совершенно голой. Загорелая точеная фигурка, золотистые волосы. Мещерский ужасно смущился и сразу же до сердечной боли позавидовал Фоме. Вот ведь — и тут, в гнезде разврата на улице Сен-Дени, алкаш запойный сумел отыскать для себя настоящий бриллиант в навозе!

— Все, катись, — Фома бросил ей несколько скомканных евро. — Оревуар! Не видишь — друг ко мне пришел, выметайся. И прикройся ты, б..., хоть чемто! — Он содрал с кровати простыню и швырнул ее проститутке.

Та только сверкнула глазами, фыркнула, как кошка, сгребла деньги, сгребла свои вещи, продемонстрировав Мещерскому упругий сочный задик, нагнулась, выуживая из-под кровати босоножки на аршинном каблуке.

— Красивая девушка, — только и мог выдавить из себя Мещерский, когда она с грохотом захлопнула за собой дверь, выскочив в коридор.

— Сучка. В баре сама ко мне на колени плюхнулась. — Фома хмуро искал что-то глазами — явно бутылку. — Когда танцевала, я прямо обалдел. Так на сестру мою была тогда похожа. У меня прямо вот тут захолонуло, — он хлопнул себя пятерней по груди. — Я подумал — это сон, не может такого быть... Сидел, смотрел как дурак, не верил. А она заметила, они это быстро секут. Подошла, хвостом вильнула и сразу ко мне на колени. И все равно такое сходство с моей сестрой, ты себе не представляешь... Меня как громом, Серега, вдарило. Молоть что-то начал — пьяный же был в улет. Не успел пары слов сказать, а она уже мне штаны расстегивает... Моя сестра...

— Фома, — Мещерский повернул его к себе, — ты что городишь? Ты совсем, что ли, мозги пропил?

Фома закинул голову вверх. И неожиданно всхлипнул. Пьяные слезы похмелья. Мещерскому было и противно, и жалко его. Что он такое нес сейчас про свою сестру? И разве у него есть сестра? Прежде он о ней никогда не упоминал.

— Это все макияж, Сережка, — хрюплю сказал Фома. — Бабы фокусы. Я ее там в баре в туалет поволок, смыл все с рожи — и пропало сходство. А было таким сильным, что я даже подумал ненароком...

— Фома, давай отсюда выбираться, а? — тихо сказал Мещерский.

— Ты не понимаешь. Я вдруг увидел ее. Через столько лет. Живой.

— Живой? Твою сестру? Но...

— Это все бабы штуки, обман, косметика. — Фома неожиданно сгреб Мещерского за грудки, притянул к себе. — Я облажался там, в баре, как никогда в жизни. Думал — вижу ее снова живой. И ничего того не было, понимаешь?

— Чего того? Я не понимаю, что ты городишь. И вообще, отпусти, ты меня задушишь!

— Мою сестру убили. Растирзали как волки, как стая бешеных волков... Ножом били, и все в живот, в живот, в живот девчонке! — Фома хрюпел в лицо испуганному Мещерскому. — А чтобы не кричала, не звала на помощь, в горло, в рот забили песка, щебня. Резали ножом живую, а в рот грязь заталкивали, забивали кляпом. А ведь она красавица была, такая красавица... Она сестра мне была... Старшая сестра...

— Фома...

Черкасс отпустил Мещерского и, словно силы оставили его, опустился снопом на кровать. Голова его свесилась. Мещерский видел лишь русый взъерошенный затылок.

— Мне было семнадцать. В то лето мы жили у деда на даче в Тихом Городке, — голос Фомы звучал тускло. — В Тухлом Городке мы жили тогда... Я и моя сестра Ирма... А теперь вот я собираюсь туда один. Но я не могу один. Не мо-гу. Ты ведь поедешь со мной туда, Сережка?

Мещерский молчал. Фома молча указал ему глазами на фляжку с водкой — ее не надо было искать по всему номеру. Она валялась тут же на полу под кроватью, рядом с его дорогими щегольскими ботинками.

Мещерский поднял фляжку и подал ее товарищу.

ГЛАВА 3

КРУГ ИЛИ БЕЗЫМЯННАЯ СУБСТАНЦИЯ

На горизонте клубилась сизая дымка — остатки густого утреннего тумана. И все кругом — купола монастырских церквей, колокольня, площадь, вышка пожарной части, пристань, многоэтажки заводского района, улочки и переулочки, тунички и тенистые, заросшие липами дворы Тихого Городка — выглядело точно мглистый мираж. Лучи жаркого августовского солнца пронзали мираж отвесно насквозь, и вид города становился еще более фантастичным. Но заметно это было лишь издалека — с шоссе, огибавшего Тихий Городок с запада. И сверху — с высоты птичьего полета. Однако воздушные трассы над Тихим Городком не пролегали. А горожане давно уже привыкли и к жаркому лету, и к мгле, и к постоянно разлитой в воздухе влаге. Большая вода — Колокшинское водохранилище — как огромная чаша притягивала к себе дожди и туманы.

Была суббота — в выходные Тихий Городок казался особенно тихим, точно вымиral. Марина Андреевна Костоглазова, которую все в Тихом Городке с момента ее приезда сюда с мужем за глаза называли не иначе как Прокуроршей, остановила машину на углу центральной площади, возле двухэтажного, заново отремонтированного особнячка.

Особнячок был необычайно нарядным с виду — голубые стены, крыша, крытая красной металличерепицей, на всех окнах в зеленых ящиках — яркие цветы, герань. Дверь была крепкой, дубовой, с жарко начищенной медной табличкой. Приземистый купеческий фасад несколько затеняла броская изумрудного цвета реклама: «СПА — Кассиопея». Салон красоты.

Хотя в связи с открытием туристического сезона весь Тихий Городок еще при предыдущем мэре был значительным образом приведен в порядок, отремонтирован и выборочно отреставрирован, особнячок с цветами на окнах с некоторых пор слыл негласно среди горожан самым красивым зданием из так называемых «новоделов». В прошлом на его месте стояла двухэтажная деревянная развалюха — бывший модельный дом. Участок земли под ним выкупила какая-то фирма — то ли московская, то ли питерская, тут горожане терялись в догадках. Сразу после сделки купли-продажи в городок нагрянула строительная бригада под командованием каких-то весьма предпримчивых кавказцев. В считаные дни они сломали развалюху и начали возводить новое здание. Через три месяца строительство было закончено, еще полтора месяца шла внутренняя отделка. На фасаде появилась вывеска «Салон красоты...», а потом в Тихий Городок приехала и хозяйка этого нового для городка заведения — Кассиопея Хайретдинова.

Впрочем, она не была для Тихого Городка абсолютно чужой, пришлой. Кое-кто ее помнил, а кто-то знал очень даже неплохо. Кассиопея — это было не прозвище, не деловой псевдоним. Это было ее настоящее имя. И Марину Андреевну, прозванную за глаза Прокуроршей, человека нового в Тихом Городке, это поначалу сильно удивляло. Но только поначалу. А потом все изменилось.

Марина Андреевна закрыла дверь машины, включила сигнализацию. Поддержанная «Шкода Октавия». Когда-то, еще в Москве, ее муж Илья Ильич приобрел ее по случаю у своего коллеги. Машина была в хорошем состоянии — особенно для Тихого Городка, но боже, как же был жалок ее вид по сравнению с серебристым внедорожником Кассиопеи, припаркованным возле салона. Тут же стояла и красная «Тойота», на

которой ездила, как было всем известно в Тихом Городке, жена мэра Юлия Шубина.

Марина Андреевна позвонила и, дождавшись, когда с той стороны сработает включенная автоматика «вход», открыла дубовую дверь. Сердце ее глухо билось. Ладони вспотели. Все в сборе. Здесь все уже давно в сборе. Сейчас, вот сейчас она им расскажет... если сможет.

Внутри было прохладно и тихо. В воздухе витал аромат цитрусовой эссенции. На ресепшен, гибко облокотившись о стойку, как всегда, встречала клиенток сотрудница и помощница, правая рука Кассиопеи — Кира. Еще со школы в Тихом Городке одноклассники прозвали ее Канарейкой — за звонкий голос и веселый бесшабашный нрав. С годами Кира превратилась в первую красавицу города. И для заведения Кассиопеи была настоящей живой рекламой.

— Кирочка, привет.

— Здравствуйте, Марина Андреевна.

— Наши все здесь уже?

— Все, ждут вас, — Кира загадочно улыбалась.

Марина Андреевна слегка помедлила возле ресепшен. Потом прошла в зал. Внутри особнячок представлял собой уютную путаницу залов, коридоров и комнат. Стены были отделаны плиткой под розовый фальшивый мрамор. Ступеньки, сводчатые арки. Поворот — и вы в парикмахерском зале, где работают два парикмахера-стилистов. Коридор, поворот — и перед вами кабина солярия, похожая на космическую капсулу. Рядом зальчик тибетского массажа — все сплошь в дереве, бамбуковая штора на окне, мебель из малайского ротанга. Еще поворот — и вы в сумрачной ароматной комнате без окон — здесь даже в полдень горят свечи и мерцает фарфоровой белизной ванна-джакузи.

Тех, кто ее ждал, Марина Андреевна увидела в зале стилистов. В кожаном парикмахерском кресле сидела